

Анциферов Н. П.

«Дух путешественности»

Томан И.Б.,
к.и.н., доцент РГУТиС

Дух путешественности... Наверное, наши читатели не только понимают, но и отчасти знают по собственному опыту, что означает это не вполне привычное для современного россиянина словосочетание. Для нас привычнее звучит «дух путешествий» (и уж подавно ставший банальным «ветер дальних странствий»). Однако между путешествием и путешественностью есть небольшая разница — примерно такая же, как между созерцанием и созерцательностью. Путешествие — это действие, событие, имеющее начало и конец. Путешественность — свойство характера, состояние души. Родственными данному существительному являются употреблявшиеся ранее в русском языке и зафиксированные в словаре В.И. Даля такие слова как путешествие, путешественник, путешественный.

Итак, что же это такое — «дух путешественности», о котором нередко говорил своим ученикам известный историк, краевед, профессор Петербургского университета Иван Михайлович Гревс?

«Для меня это есть вольная отдача созерцанию, действительному созерцанию. Это есть освобождение сил, скованных повседневной заботой. Радостное обновление своего существа. Путешествие для человека то же, что весна для природы. (...). Когда путешеству-

ешь, выходишь за пределы своей индивидуальности. (...). Путешествие укрепляет дух и воспитывает веру в жизнь. После путешествия я ощущаю глубже связь с целым. (...). Я думаю, что путешествия есть одна из форм стремления к бесконечному, что свойственно не только человеку, но и всему живому (преодоление пространства), как занятия историей есть стремление к вечному (преодоление времени). Поэтому я считаю, что в духе путешественности есть что-то сродное религии», — писал Николай Павлович Анциферов в 1926 году, отвечая на анкету И.М. Гревса «Что дало моей юности путешествие?» (Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 443)

Много лет спустя, на закате своих дней вспоминая экскурсию в Италию, организованную И.М. Гревсом в 1912 году, Н.П. Анциферов так передал чувства, которые владели им и его спутниками в начале этого незабываемого путешествия: «Все насторожилось в нас в ожидании нового, прекрасного, чаемого и неожиданного. Сколько «нечаянных радостей» сулило путешествие! Эту особенную настороженность духа, его раскрытость, эту до пределов обостренную жажду новых знаний Иван Михайлович называл «духом путешественности». К этому нужно присоединить еще доброжелательность ко всему окружаю-

щему, готовность не только радоваться, но и сорадоваться». (Там же. С.282)

Этот «дух путешественности» был в высшей степени присущ ученику И.М. Гревса — Николаю Павловичу Анциферову, о котором пойдет речь.

Н.П.Анциферов родился 30 июля (11 августа) 1891 года в бывшем имении Потоцких «Софиевка» под Уманью. В то время там находилось училище земледелия и садоводства, где преподавал его отец. Он был единственным и долгожданным ребенком, и его рождение чуть не стоило жизни матери. Чтобы спасти ее, врачи хотели прибегнуть к умерщвлению плода, однако она не допустила этого. Таким образом, Н.П. Анциферов оказался вдвойне обязан матери жизнью. И он не только чувствовал благодарность к той, что подарила ему этот мир, но и, в отличие от большинства людей, мог найти для своего чувства простые и точные слова. Пережив смерть детей и жены, Н.П. Анциферов писал матери из заключения: «В моей жизни не было часа, когда я не был бы в состоянии поблагодарить тебя за то, что ты меня родила». (Там же. С.28).

К Софиевке относится и первое в жизни воспоминание Н.П.Анциферова — подъем по лестнице. Впоследствии Николай Павлович придавал ему символический смысл: «Не полет ввысь, а именно восхождение сделалось для меня синонимом нравственного блага. Символом жизни с течением лет сделалась лестница, по которой я должен подниматься ввысь». (Там же. С.29).

В 1891 году после назначения отца директором Никитского Ботанического сада семья переехала в Крым. В этом настоящем земном раю Н.П. Анциферов провел свое раннее детство, к этому времени относятся его первые связные воспоминания, здесь началось его познание мира. «Никитский сад был ядром моей жизни. Все, что пришло потом, наслаивалось на это ядро, было его разрастанием», — считал Н.П. Анциферов. (Там же. С.31). И действительно: счастливое, ничем не омраченное детство на лоне природы стало основой его светлого мировосприятия и дало ему силы выдержать будущие испытания. В 1897

году, со смертью отца, кончилось раннее детство Н.П. Анциферова. Некоторое время мать жила с ним у родственников, а в 1899 году поселилась в Киеве, где в 1904 году Н.П. Анциферов, учившийся до сих пор дома, поступил в пятый класс Первой киевской гимназии.

Обучая сына дома до 15 лет, мать стремилась, по-видимому, оградить его от грубости и дурных влияний, неизбежных в большом детском коллективе. При этом Екатерина Максимовна не хотела, чтобы он вырос затворником, а потому постоянно поддерживала контакты с семьями родственников и сослуживцев мужа, у которых были дети, дабы у Николая был достаточно широкий круг общения среди сверстников, воспитанных в интеллигентной среде. В своих воспоминаниях Н.П. Анциферов подробно рассказывает о семьях, близ которых старалась держаться его мать, ибо общение с ними сыграло важную роль в формировании его личности.

По словам Н.П. Анциферова, решение стать историком появилось у него уже в шестилетнем возрасте. (Там же. С.155). В отроческие годы это желание окрепло. Способствовали тому и игра в рыцарей, которой он увлекался со своими друзьями, и в значительной степени неприятие современности, казавшейся ему грубой и скучной. «Недолгое пребывание в гимназии показало мне, насколько я был изолирован в особом, созданном мною мире, — вспоминал Н.П. Анциферов. — Мой пессимизм принимал сознательный характер. Я не любил современности, она казалась мне враждебной. Живое помню вечер, когда мама убеждала меня приняться (...) за Тургенева и Толстого. Я ей доказывал, что в них ничего не найду хорошего, так как «современность» меня прельстить не может». (Там же, С. 86). Русскую классику Н.П. Анциферов открыл для себя в 15 лет под влиянием отца своих друзей — профессора ботаники С.Г. Навашина.

Итак, в детстве и в отрочестве Н.П.Анциферов жил в мире романтических и ярких образов прошлого, которые почти целиком заполняли его внутренний мир. В 15 лет в гимназии он впервые столкнулся с грубостью реальной жизни (от которой он еще какое-то

время пытался скрыться в иллюзорном царстве грез), и тогда же он впервые всерьез задумывается о нравственных вопросах, поставленных в русской литературе XIX века.

Интерес и, главное, любовь к прошлому, а также размышления об этических проблемах во многом предопределили выбор Н.П. Анциферова — историко-филологический факультет Петербургского университета — и основное направление его первоначальных научных изысканий. «Во мне оформлялось желание изучать исторический процесс через познание отдельных личностей; вживаясь в них, постигая мысли и чувства, знакомясь с их деяниями — проникать в существо эпохи. Личность меня интересовала не как фактор, творящий историю, не как герой-вершитель исторических судеб, она интересовала меня как симптом своего времени, как фрагмент эпохи, по которому постигается целое. Я был убежден, что только изучение конкретной личности может содействовать пониманию исторического процесса, носителем которого являются народы», — вспоминал Н.П. Анциферов. (Там же. С.155).

Наибольшее влияние среди профессоров Петербургского университета на Н.П. Анциферова оказал Иван Михайлович Гревс (1860–1941гг.). Он читал общий курс «Французское средневековье» и спецкурс «Духовная культура конца римской империи и раннего Средневековья». Н.П. Анциферов записался на оба эти курса, и так началось их знакомство.

В лице И.М. Гревса Н.П. Анциферов нашел не только талантливого преподавателя, умеющего придать безупречную форму своим безграничным знаниям. Он стал его Учителем и Другом на всю жизнь.

Что же особенно импонировало Н.П. Анциферову в научном методе И.М. Гревса? «Он стремился воссоздавать отдельные человеческие образы, которые выражали собою те или другие стороны исторического процесса, различные эпохи, разнообразные культуры. А поскольку история есть биография рода человеческого, постольку эти образы отдельных людей назывались Иваном Михайловичем «образами человечества». (...). Этот метод рас-

крытия эпохи через отдельную личность Иван Михайлович удачно называл «биографическим методом». (...). Иван Михайлович стремился по завету Тацита излагать историю без гнева и пристрастия. Но его беспристрастие было ограничено глубоким и горячим моральным чувством. Его особенно привлекали духовно прекрасные личности». (Там же. С.168–169).

Впоследствии Н.П. Анциферов избрал для своих научных изысканий совсем иную эпоху и страну, а именно культуру XIX века в России, однако глубоко личное отношение к действующим лицам истории, сочетавшееся со строгим научным анализом, осталось у него на всю жизнь.

Главным событием студенческой жизни Н.П. Анциферова стала экскурсия по Италии в мае-июле 1912 года, организованная Гревсом. В ней участвовали трое студентов Петербургского университета и 25 студенток Высших Бестужевских женских курсов, многие из которых посещали спецкурс И.М. Гревса. Ее маршрут был следующий: Венеция — Падуя — Равенна — Флоренция — Сан-Джиминьяно — Сиена — Перуджа — Ассизи — Рим. Этой экскурсии можно было бы посвятить отдельную обширную статью, ибо она интересна не только с точки зрения истории туризма, но и как неисчерпаемый источник положительного опыта для организации современной экскурсионной деятельности. Подводя итоги этой замечательной поездки, Н.П. Анциферов писал: «Прожитое тогда в Италии в тяжелые часы, дни, года поддерживало клонившуюся вниз голову». (Там же. С.309).

Считается, что невзгоды закаляют души. Впрочем, это не всегда так, и чтение мемуаров Н.П. Анциферова еще раз убеждает в обратном. Безмятежное детство в «райском саду»; отрочество, в котором были друзья и достойные взрослые; юность, полная духовных исканий и ярких впечатлений; итальянское путешествие; гармония в семье; рождение двоих детей; успешное начало преподавательской деятельности — эта счастливая жизнь до 30 лет дала силы Н.П. Анциферову пройти многолетний крестный путь. Он начался в июле 1919 года смертью детей. Последовавшая за-

тем тяжелая болезнь Н.П. Анциферова, едва не сведшая его в могилу, спасла от отчаяния его жену, которая должна была забыть на время о безутешном материнском горе, чтобы бороться за жизнь мужа.

Осенью 1919 года, во время наступления Юденича на Петроград, когда Гражданская война подошла вплотную к столице, Н.П. Анциферов начал работу над своей лучшей книгой — «Душа Петербурга», изданной в 1922 году. По сути, это был реквием. Реквием по умершим детям; по ушедшей счастливой юности; по канувшей в прошлое величественной и изысканной красоте Петербурга; по захлебнувшейся в крови братоубийственной войны Родине. И все же этот реквием, как и «Реквием» Моцарта, пронизан светлыми лучами, ибо ушедший в прошлое мир был реальностью, и эта реальность, сохраненная в памяти, может и должна озарить погружающееся во мрак настоящее.

Подобно своему учителю И.М. Гревсу (написавшему предисловие к книге), Н.П. Анциферов воспринимал историю как биографию рода человеческого, как индивидуальный, целостный и единый процесс, а род человеческий — как живой организм. А раз так, то и город можно считать живым существом, имеющим душу и говорящим на своем языке. Но как постичь душу города, как понять его язык? Об этом и рассказывает книга Анциферова, которую следует прочитать каждому перед поездкой в Петербург.

Среди идей Н.П. Анциферова хотелось бы, учитывая рамки данной статьи, выделить только одну, которая, возможно, привлечет внимание тех, кто много путешествовал по историческим городам, и тех, кто занимается проведением и организацией экскурсий. По его мнению, город нельзя превращать в «музей достопримечательностей». Город надо показывать как единое целое, дабы экскурсанты почувствовали его душу и вступили с ним в беседу. Как это сделать? Книга Анциферова не дает конкретных указаний, но в ней содержится огромный материал для размышлений на данную тему. Скажу лишь, что с первых же страниц становится ясно: автобусные экскур-

сии — совершенно негодный способ познания города. (Хотя во времена Анциферова их еще не было). В результате подобного «знакомства с достопримечательностями» в памяти не остается ничего, кроме фрагментов каких-то зданий, которые удалось разглядеть в окна автобуса, и мешанину из многообразных и не связанных между собой сведений.

Впрочем, вернемся к жизненному пути Н.П. Анциферова. В 1920-е годы жизнь дала ему некоторую передышку. В 1921 году у него родился сын Сергей, в 1924-м — дочь Татьяна; издаются его книги и статьи; он активно занимается организацией экскурсионного дела; преподает; работает в Центральном бюро краеведения; путешествует по России. Правда, в 1925 году он был арестован, но вскоре освобожден.

Второй раз Н.П. Анциферова арестовали в 1929 году по делу «Воскресения» — религиозно-философского кружка, в работе которого он принимал участие в 1918-1925 гг. Четыре года Н.П. Анциферов провел в заключении в Соловецком лагере и на строительстве Беломоро-Балтийского канала. За это время у него умерла жена и мать. Вскоре после возвращения Н.П. Анциферов переехал в Москву, где женился второй раз. Здесь он вначале работал в Коммунальном музее (ныне Музей истории Москвы), а с 1936 года вплоть до выхода на пенсию в 1956-м — в Государственном литературном музее. В 1937 году он был арестован в третий раз и отправлен в уссурийский лагерь, откуда был освобожден по пересмотру дела в 1939-м. На этом лагерная эпопея Н.П. Анциферова закончилась, но вскоре наступил 1941 год. И вновь война отняла у него детей. В 1942 году в блокадном Ленинграде умер сын, а дочь, оказавшаяся в оккупированном немцами Царском Селе, была угнана в Германию. Она осталась жива, впоследствии оказалась в США и работала на радиостанции «Голос Америки», однако была разлучена с отцом навсегда. Вскоре после выхода из последнего заключения Н.П. Анциферов начал работу над воспоминаниями, которую не прекращал почти до самой смерти. Научная и служебная деятельность не давали ему возможности

подолгу заниматься ими, а потому писал он их урывками, преимущественно в отпуске. Анциферов назвал свои воспоминания «Из дум о былом», указывая на их преемственную связь с воспоминаниями А.И. Герцена «Былое и думы», ибо, будучи почти нашим современником, считал себя потомком людей 1830-40-х годов, с которыми чувствовал особую духовную близость. Н.П. Анциферов не предназначал свои мемуары для печати. Первоначально он писал их для своих детей, а, лишившись их, посвятил внукам. Впрочем, Н.П. Анциферов хотел, чтобы его воспоминания прочли не только близкие. «Мне хочется, — писал он, — чтобы мой труд сохранился где-нибудь в архиве. Может быть, лет через сто исследователю нашей эпохи попадутся эти записки». (Там же. С.16).

Литература

Работы Н.П. Анциферова

1. Быль и миф Петербурга. М., 1924.
2. Душа Петербурга. Пг., 1922.
3. А.И.Герцен. М., 1945.
4. Детское село. М-Л., 1927.
5. Из дум о былом. М., 1992.
6. Книга о городе. Ч.1-3. Л., 1926-1927 (Ч.1. Город как выразитель меняющихся культур; Ч.2. Современные города; Ч.3. Жизнь города). Москва. М., 1948.
7. Москва Пушкина. М., 1950.
8. О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1823.
9. Окрестности Ленинграда. Лг., 1927.
10. Петербург Достоевского. Пг., 1923.
11. Петербург Пушкина. М., 1950.
12. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1925.
13. Пушкин в Царском Селе. Л., 1929.
14. Теория и практика литературных экскурсий. Л., 1926.
15. Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926.
16. Иван Тургенев. М., 1944.

Работы о Н.П. Анциферове

1. Добкин А.И. Н.П. Анциферов: Материалы к библиографии // Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции 20-22 декабря 1989 года. Л., 1989.

При чтении этих строк становится легче на душе. Жизнь изменилась к лучшему раньше, и историки оказались внимательнее и отзывчивее, чем думал автор. Уже в 1980-е годы отрывки из воспоминаний Николая Павловича Анциферова были опубликованы, а в 1992 году вышли в свет отдельным изданием. Подобный оптимизм может показаться наивным, но дай Бог всем тем, кто с тревогой и недоверием смотрит в будущее, так же обмануться на его счет.